

установленных правил безопасности и определяется неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности в осознании общественной опасности поведения и наступления общественно опасных последствий. Ее особенности обусловлены социально-психологическим механизмом совершения преступлений, сферой деятельности, в которой совершаются данные деяния, социально-нравственными и профессиональными особенностями личности преступника, характером последствий и конкретными факторами, детерминирующими совершение рассматриваемых преступлений.

В части предупреждения и профилактики неосторожных преступлений разработаны специальные формы и методы предупредительно-профилактического характера, направленные на проведение крупномасштабных мероприятий по улучшению условий и охране труда, развитию техники безопасности; осуществление превентивного надзора, правового просвещения и воспитания.

Успешное предупреждение неосторожных преступлений возможно только при систематическом принятии мер борьбы с ними.

Литература:

1. Динамика основных показателей аварийности на протяжении 10 лет [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2016. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2016/january/3792/>. – Дата доступа: 01.12.2023.

2. Криминология: Конспект лекций / Э.Ф. Мичулис, Д.В. Шаблинская, А.А. Примаченок. Под ред. Э.Ф. Мичулиса; Минский институт управления. – Мн. : Изд-во МИУ, 2005. – 99 с.

ПРАКТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРИБУНАЛОВ И ИНЫХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Нехай Р.Г.

Несмотря на наличие широкой международной нормативно-правовой базы, способствующей регламентированию правового статуса участников вооруженных конфликтов как международного, так и немеждународного характера, зачастую, на практике, международные суды, трибуналы и иные правоприменительные учреждения сталкиваются с трудностями в процессе рассмотрения дел, связанных с нарушением норм международного гуманитарного права (Далее – МГП). Вооруженные конфликты, в которых происходят нарушения МГП, часто охватывают огромные географические районы, длятся несколько лет и вовлекают множество действующих лиц, включая военные и полувоенные силы, а также наемников. Жертвами действий, связанных с грубыми нарушениями норм и принципов МГП становятся сотни, если не тысячи гражданских лиц и объектов, что влечет за собой необходимость проработки огромной доказательной базы.

Следует отметить, что определение статуса участника вооруженного конфликта является основополагающим при рассмотрении дел, связанных с нарушениями норм МГП, поскольку обвинение обязано установить связь между предполагаемыми действиями обвиняемого и вооруженным конфликтом с целью соблюдения условий юрисдикции. Требование взаимосвязи служит для того, чтобы отличать преступления, связанные с нарушением норм МГП, от уголовных преступлений, предусмотренных национальным уголовным законодательством, а также не квалифицировать случайные или изолированные от вооруженного конфликта преступные события как военные преступления.

Разграничение статуса гражданских лиц и комбатантов способствует успешной

минимизации жертв со стороны первых, а также определению прав, обязанностей и ответственности последних, что имеет колоссальное влияние на ход и результаты ведения боевых действий, особенно в городских условиях. Немаловажную роль, наряду с договорными и обычными нормами МГП, сыграла судебная практика как институциональных, так и специализированных судебных учреждений. Так, при определении статуса комбатанта, Апелляционная палата Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в своем решении по делу *Kordić and Čerkez* в 2004 году заявила о необходимости уделить особое внимание правовому положению участников Территориальной обороны и тому, следует ли их рассматривать в качестве комбатантов в любое время во время конфликта или только тогда, когда они принимают активное и непосредственное участие в военных действиях. Такое понятие как «активное и непосредственное участие» было охарактеризовано Апелляционной палатой, как, сопряженные по характеру и цели к боевым, действия, способствующие причинению реального ущерба личному составу вооруженных сил неприятеля, а также его технике и инфраструктуре. Проанализировав Гаагское положение 1907 г., а также Женевские конвенции 1949 г., Апелляционная палата пришла к выводу о том, что «военнослужащие вооруженных сил, отдыхающие в своих домах в районе конфликта, а также члены Территориальной обороны, проживающие в своих домах, остаются комбатантами независимо от того, участвуют они в боевых действиях или нет, а также вооружены ли они в настоящее время или нет» [2]. Таким образом, по мнению суда, участники Территориальной обороны являлись перманентными законными объектами для нападения со стороны вражеских сил и были обязаны соблюдать нормы МГП, в том числе, при взаимодействии с гражданским населением.

Судебная палата Специального суда по Сьерра-Леоне, в деле *Fofana and Kondewa*, наряду с определением гражданских лиц, рассмотрела правовое положение вооруженных правоохранительных органов воюющего государства, которые уполномочены защищать и поддерживать внутренний порядок государства. Необходимость, а также колоссальная важность определения правового положения данных участников вооруженных конфликтов немеждународного характера, в первую очередь, вызвана отсутствием легального закрепления их прав и обязанностей на международно-правовом уровне. Во-вторых, ведение конфликтов подобного характера связано с непосредственным задействованием сил национальной гвардии, внутренних войск и других вооруженных правоохранительных органов с целью противодействия антиправительственным группировкам. В качестве общего правила, при выполнении своих типичных обязанностей по поддержанию правопорядка такие силы, по мнению Судебной палаты, «считаются гражданскими лицами для целей международного гуманитарного права» [5]. Вместе с тем, данное правило не будет распространяться «для военной полиции или жандармерии, которые действуют под контролем военных» [5]. Судебная палата отметила, что статус сотрудников полиции во время вооруженного конфликта должен определяться в свете анализа конкретных фактов дела. Например, силы гражданской полиции могут быть включены в состав вооруженных сил, что приведет к квалификации полицейских сил в качестве комбатантов, а не как гражданских лиц. Данная инкорпорация, по мнению суда, может произойти как *de-jure*, посредством официального акта, так и *de-facto* в связи с их использованием в рамках общевоинского боестолкновения.

Отдельного внимания заслуживают полувоенные и негосударственные (антиправительственные) вооруженные группы. Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде определили и уточнили определение таких вооруженных групп в своей судебной практике. Они, в частности, прояснили элементы, связанные с уровнем их организации. Международные уголовные трибуналы согласились с тем, что, хотя «требуется определенный уровень организации сторон» [3], негосударственным вооруженным группам «не нужна иерархическая система военной организации, аналогичная системе регулярных вооруженных сил, чтобы считаться таковой» [1].

Тем не менее, в решении Судебной палаты Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии по делу *Haradinaj et al.* было установлено, что «организованная

вооруженная группа» должна характеризоваться: «наличием командной структуры и дисциплинарных правил и механизмов внутри группы; существованием штаб-квартиры; контролем определенной территории; способностью группы получать доступ к оружию, другой военной технике, к новобранцам и военной подготовке; способностью планировать, координировать и проводить военные операции, включая перемещение войск и материально-технического обеспечения; способностью определять единую военную стратегию и использовать военную» [6].

В своем решении по делу *Sesay* Судебная палата Специального суда по Сьерра-Леоне, рассматривая определение «вооруженных групп», признала, что «вооруженные силы или группы могут контролироваться как государством, так и негосударственными организациями» [4]. Вместе с тем, Судебная палата обратила внимание на критерий контроля, при доказывании связи между государством и вооруженной группой. Чтобы удовлетворить данный критерий, необходимо доказать «факты оказания государством финансовой помощи, поставки военной техники и оперативной поддержки, а также участия в организации, координации или планировании военных операций» [4].

Помимо существенного вклада в установление статуса полувоенных, а также полицейских сил, судебная практика МТБЮ содержит успешные попытки определения гражданского населения. Так, Апелляционная палата в деле *Kordić and Čerkez* установила, что «гражданское население включает всех лиц, являющихся гражданскими лицами, и присутствие среди гражданского населения лиц, которые не подпадают под определение гражданских лиц, не лишает население его гражданского характера» [2].

В решении по делу *Fofana and Kondewa* Судебная палата Специального суда по Сьерра-Леоне заявила, относительно толкования гражданского статуса, следующее: «термин «гражданское население» следует толковать широко. Палата удовлетворена тем, что международное обычное право, определяемое со ссылкой на право вооруженных конфликтов, установило, что гражданское население включает всех тех лиц, которые не являются военнослужащими или иным образом не признаны комбатантами» [5]. Более того, Палата отмечает, что «для того чтобы население считалось «гражданским», оно должно быть преимущественно гражданским по своей природе – присутствие среди них определенных лиц, не являющихся гражданскими лицами, не меняет характера населения» [5]. При определении того, лишает ли присутствие солдат среди гражданского населения его гражданского характера, Палата утвердила, что среди прочего, необходимо изучение количества солдат и их правового статуса. Однако, присутствие членов вооруженных групп сопротивления или бывших комбатантов, сложивших оружие, среди гражданского населения не меняет его гражданского характера.

Таким образом, при анализе практики определения статуса участников вооруженного конфликта в деятельности Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, Специального суда по Сьерра-Леоне можно прийти к выводу о том, что несмотря на сложность рассматриваемых ими дел, правоприменительные органы способствуют развитию норм МГП, расширяя и дополняя их. Многие положения, непредусмотренные основными международными договорами в рамках МГП, находят свое отражение в судебной практике, что позволяет успешнее определять права, обязанности и ответственность того или иного участника вооруженного конфликта.

Литература:

1. The Prosecutor v. Alfred Musema [Electronic resource] : Case ICTR-96-13-T. Judgement and Sentence (Trial Chamber I), 27 January 2000 // International Criminal Tribunal for Rwanda. – Mode of access: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/ICTR-96-13/MS21028R0000532581.PDF>. – Date of access: 02.12.2023.

2. The Prosecutor v. Dario Kordić and Mario Čerkez [Electronic resource] : Case IT-95-14/2-A. Judgement (Appeals Chamber), 17 December 2004 // International Criminal Tribunal for the

former Yugoslavia. – Mode of access: https://www.icty.org/x/cases/kordic_cerkez/acjug/en/cer-aj041217e.pdf. – Date of access: 02.12.2023.

3. The Prosecutor v. Fatmir Limaj, Haradin Bala, Isak Musliu [Electronic resource] : Case IT-03-66-T. Judgement (Trial Chamber II), 30 November 2005 // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. – Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/limaj/tjug/en/lim-tj051130-e.pdf>. – Date of access: 02.12.2023.

4. The Prosecutor v. Issa Hassan Sesay, Morris Kallon, Augustine Gbao [Electronic resource] : Case SCSL-04-15-T. Judgement (Trial Chamber I), 2 March 2009 // Special Court for Sierra Leone. – Mode of access: http://www.worldcourts.com/scsl/eng/decisions/2009.03.02_Prosecutor_v_Sesay_Kallon_Gbao.htm. – Date of access: 02.12.2023.

5. The Prosecutor v. Moinina Fofana, Allieu Kondewa [Electronic resource] : Case SCSL-04-14-T. Judgement (Trial Chamber I), 2 August 2007 // Special Court for Sierra Leone. – Mode of access: <https://www.refworld.org/cgi-bin/tehis/vtx/rwmain?docid=46e123dc2&page=search>. – Date of access: 02.12.2023.

6. The Prosecutor v. Ramush Haradinaj, Idriz Balaj, Lahi Brahimaj [Electronic resource] : Case IT-04-84-T. Judgement (Trial Chamber I), 3 April 2008 // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. – Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/haradinaj/tjug/en/080403.pdf>. – Date of access: 02.12.2023.

7. The Prosecutor v. Tihomir Blaškić [Electronic resource] : Case IT-95-14-A. Judgement (Appeals Chamber), 29 July 2004 // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. – Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/blaskic/acjug/en/bla-aj040729e.pdf>. – Date of access: 02.12.2023.

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ИННОВАЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Шарейко Е.А., Перевозников И.А.

Современное экономическое пространство представлено в виде сложной системы, функционирующей под влиянием различного ряда факторов, определяющих ее текущую форму и предопределяющих будущую.

Глобализация, стремительное развитие конкурентной среды, способствующей резкому увеличению числа малого и среднего бизнеса, а также внедрение в производство все большего числа инноваций определяют вид любой экономики XXI века.

В соответствии со статьей 1, закона «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» от 10.07.2012 №425-3, инновация определяется как введенная в гражданский оборот или используемая для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, технология, услуга, организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера.

Основополагающая особенность инновации – это ее практическая ценность и социально-экономическая польза. Инновация приносит выгоду организациям, путем обеспечения более эффективного использования имеющихся ресурсов, и дает возможность перенести кризис, улучшить качество работы, уменьшить стоимость производства и другое.

Однако, развитие инновационной деятельности подвержено влиянию ряда негативных факторов таких, как отсутствие инвестиций, слабый кадровый потенциал, низкие темпы научно-технического прогресса, высокий уровень налогообложения, существование бюрократических барьеров, наличие коррупционных преступлений и правонарушений внутри государственных и коммерческих организаций.

При существовании сравнительно высокого уровня коррумпированности государственных и коммерчески структур, сокращается объем поступающих инвестиций,